

Атмосфера стала немного неловкой, и Цзи Сюнь, чтобы сгладить углы, добродушно сказала:

— Спасибо, что помните нас.

Девушка улыбнулась, прикусив губу. Она опустила голову, взяла телефон, посмотрела на Цзи Сюнь, затем перевела взгляд на Вэньжэнь Цин:

— Вэньжэнь Цин, можно я добавлю тебя в WeChat?

Она спросила с ноткой напряжения и ожидания.

О боже, она сейчас же вернётся и расскажет своей подруге, что, купив чай, встретила свою кумиру!

Легендарную Снежную Гору, талантливую и прекрасную, способную быть как небесной феей, так и решительной воительницей!

Прости, правда, Снежная Гора, тебе не нужен ещё один Маленький Эльф? Не против ли ты взять ещё одного?

Она оттеснила Цзи Сюнь в сторону, держа телефон между ладонями, с мольбой во взгляде и восторженно смотрела на Вэньжэнь Цин.

Увы, кумира вблизи видеть ещё прекраснее. Этот небесный дух, это красивое лицо, даже если она закатит глаза, это всё равно будет вызывать трепет!

Цзи Сюнь, оттеснённая на шаг, не проявила ни раздражения, ни недовольства, лишь с любопытством наблюдала за происходящим.

Она, как оленёнок, тихо и спокойно смотрела на Вэньжэнь Цин, ожидая, как та отреагирует на эту ситуацию.

Это был первый раз за всё её воспоминания, когда она встретила ровесницу, которая не боялась Цинцин и так активно хотела с ней подружиться.

Но...

Цзи Сюнь прикусила губу, опустила голову, вставила соломинку и сделала глоток чая.

Жемчужины всё ещё были упругими, но вкус чая, казалось, был не таким сладким, как раньше.

Маленькая девушка не удержалась и подняла пакет, взглянув на другую чашку.

Может, она перепутала свою чашку с чашкой Цинцин?

— Извини.

Наконец заговорила Вэньжэнь Цин, её голос был ледяным.

Но её взгляд перешёл через девушку и остановился на Цзи Сюнь, которая тайком пила чай.

Маленькая девушка, освещённая закатным светом, стояла у слегка потрёпанной стены, как картина из старой камеры, не теряющая своей красоты.

Вэньжэнь Цин медленно моргнула своими глазами феникса и больше не произнесла ни слова.

Это был отказ дать контакт.

Девушка с разочарованием вздохнула, но всё же попыталась улыбнуться:

— Ничего, ничего.

Почему даже когда кумира отказывает, она выглядит так потрясающе?

Девушка ушла, а Цзи Сюнь, проглотив жемчужину, протянула Вэньжэнь Цин другую чашку чая:

— Горячий, как раз.

Вэньжэнь Цин молча приняла её. Её бледно-розовые губы сжали соломинку, а длинные ресницы добавили особую красоту её лицу.

Цзи Сюнь смотрела на неё некоторое время, а затем тихо спросила:

— Почему ты не дала ей?

В снегу Вэньжэнь Цин молчала, не отвечая на этот вопрос.

Не хотела давать.

Доудоу хмыкнула:

— Она просто хотела, чтобы ты сказала: «У неё нет».

Сяо Цуй стояла у входа в виллу, наблюдая, как дядя Юн подъезжает на машине, и её выражение лица стало немного странным.

Дядя Юн вышел из машины заранее, подошёл к двери и открыл её.

Вэньжэнь Цин, сжав губы, вышла, держа в руке чашку чая, из которой выпила только половину.

Даже спустя столько времени, когда каждый день ей давали по конфете, она всё ещё не привыкла к сладкому.

Сравнивая с жизнью, сладость и сахар были слишком малы.

Чем слаще был вкус, тем горче становилось, когда она возвращалась домой и сталкивалась с холодным домом.

Она не любила такой контраст.

Снег во дворе был сметён слугами в сторону, оставив каменную дорожку для прохода.

Сяо Цуй, увидев, как Вэньжэнь Цин выходит из машины, поспешно подошла, её глаза выражали беспокойство:

— Мисс, госпожа сегодня, после разговора со старым господином, была не в себе. Сейчас она внутри и злится.

Строго говоря, она не просто не в себе, а находится в состоянии ярости.

Она бросает всё, что видит, в кабинете уже всё разбито.

Сяо Цуй было больно смотреть, как госпожа разбивает несколько предметов, которые, как говорят, стоят десятки тысяч.

Даже если госпожа богата, это не повод так расточительно обращаться с вещами.

Хотя Сяо Цуй говорила осторожно, Вэньжэнь Цин поняла, в каком состоянии находится её мать.

Она даже не моргнула своими красивыми глазами и спокойно спросила:

— Она в кабинете?

Сяо Цуй кивнула:

— Только что была. Сейчас не знаю.

Она не осмелилась подняться наверх, чтобы проверить. Остальные слуги в доме Вэньжэнь были заняты своими делами, только она выполняла различные поручения.

Оставаясь один на один с разгневанной госпожой, Сяо Цуй, даже проработав в доме Вэньжэнь так долго, всё же чувствовала себя неловко.

Девушка, только что вернувшаяся с улицы, держала в руке чашку чая, из которой всё ещё поднимался белый пар.

Она на мгновение замерла, а затем сделала ещё один маленький глоток.

Как будто это действие помогало ей вспомнить кого-то, кто дарил ей тепло.

— Пойдём, — она опустила глаза, длинные ресницы скрывали её яркие, как драгоценные камни, глаза.

Сяо Цуй, глядя на мисс Вэньжэнь, вдруг замерла, и её сердце чудесным образом успокоилось.

Она вдруг заметила, что мисс Вэньжэнь выросла, стала выше, её фигура приобрела изящные очертания юной девушки. Её аура тоже изменилась, стала не такой мрачной и замкнутой, как раньше.

Казалось, время щедро и незаметно подарило этой девушке что-то ценное, сделав её более спокойной и сильной.

Вся она стала более нежной и привлекательной, стояла там, не проявляя эмоций, но излучая спокойствие и умиротворение.

И это слово — «нежность» — было тем, что Сяо Цуй никогда раньше не чувствовала в мисс Вэньжэнь.

Вэньжэнь Цин вытащила салфетку, медленно вытерла губы и тихо сказала:

— Позвони доктору Фану. В аптеке, в самом правом ящике, есть бутылочка с лекарством,

позже принеси её мне наверх.

В юности она думала, что это она делает что-то не так, и поэтому мать так яростно выплёскивает свои эмоции.

Позже она поняла, что больные люди тоже так делают.

Нужно просто принять лекарство.

— Хорошо, — ответила Сяо Цуй, глядя на свою госпожу, её сердце словно обрело опору, и она больше не чувствовала такой тревоги.

Вэньжэнь Юэ стояла среди хаоса в кабинете, стулья и различные документы были разбросаны по полу.

Кроме этого, картины знаменитых художников, висевшие на стенах, были сорваны и брошены на пол, а затем растоптаны.

Чехлы на диванах были изорваны, как будто их кто-то с силой рвал, и образовали множество складок. Подушки были разбросаны по всей комнате.

Эта сцена напоминала последствия бунта трёх хаски в доме, и смотреть на это было просто невозможно.

Всё в кабинете, кроме стола и книжных полок, оставалось на своих местах, потому что они были слишком большими и тяжёлыми, и Вэньжэнь Юэ не могла их сдвинуть.

Вэньжэнь Цин, стоявшая у двери, на мгновение замерла, а затем спокойно переступила через весь хаос и подошла к матери.

— Тебе нужно принять лекарство, — тихо напомнила она.

Сяо Цуй, стоявшая позади, держала в руках чашку, которая дрогнула от этих слов.

Она боялась, что госпожа вдруг разгневается и начнёт бросать вещи в людей.

Разбивать вещи и разбивать людей — это разные вещи. Сяо Цуй всегда была настороже, боясь, что однажды госпожа в гневе бросит что-то хрупкое в кого-нибудь.

К счастью, каждый раз, когда Вэньжэнь Юэ успокаивалась, она, казалось, понимала, как страшно она себя вела, и использовала самый простой способ успокоить Сяо Цуй — повышала зарплату.

И...

Не знаю, было ли это воображением Сяо Цуй, но за последние два года, по мере того как мисс Вэньжэнь становилась старше, госпожа иногда стала слушаться её.

Эта перемена, казалось, началась несколько лет назад, когда госпожа в гневе разбила телефон мисс Вэньжэнь.

Мисс Вэньжэнь целых полгода не разговаривала с госпожой, даже слово «мать» не произносила.

Сяо Цуй думала, что, возможно, госпожа позже осознала, что поступила неправильно, и не хотела, чтобы мисс Вэньжэнь отдалась от неё, поэтому постепенно изменилась.

Вэньжэнь Юэ, казалось, была в замешательстве, она тяжело дышала, и румянец от гнева на её лице ещё не исчез.

Старый господин только что позвонил и сказал, что хочет отправить этого незаконнорождённого ребёнка сюда, чтобы он мог учиться в лучшей школе.

Но это же просто незаконнорождённый! Его происхождение неизвестно, и даже имя отца никто не может назвать!

Старый господин, под влиянием этой матери и сына, потерял способность здраво мыслить и стал старым дураком!

Она же родная дочь старого господина! Разве всё в доме Вэньжэнь не должно перейти к Цинцин?

Уже сейчас она стала посмешищем для всего города Сянчэн из-за того, что связалась с неблагодарным мужчиной.

А теперь старый господин устраивает этот спектакль, хочет, чтобы она воспитывала этого ребёнка, и говорит, что этот незаконнорождённый — младший дядя Цинцин.

И ещё требует, чтобы она, как старшая сестра, не обижала этого незаконнорождённого.

— Тьфу!

Вэньжэнь Юэ всё больше злилась, её тело дрожало от ярости, а глаза наливались кровью.

Что это за тварь! Как она может сравниваться с её дочерью!

<http://bllate.org/book/16860/1552863>